

(Владислав Китик, Светлое время дня: стихотворения. – Одесса: Астропринт, 2022. – 152 с.)

Владислав Китик относится к той категории поэтов, мысль которых часто обращена не к острозлободневным вопросам, а к проблемам общечеловеческого масштаба. Он размышляет о жизни и смерти, о юности и зрелости, о подлинных ценностях человеческой жизни.

Казалось бы, в книге «Светлое время дня» внимание должно быть сосредоточено исключительно на смыслах вневременного характера. Однако первое же стихотворение начинается со строк о грядущем: *«С чего бы? И всё ж не устану всегда просыпаться в грядущем...»*. Китик воспекает и сиюминутное (*«Меня пугает участь мотылька, Но мне сиюминутное дороже»*). Однако важно понимать, что поэт не отождествляет текущий момент жизни с чем-то временно актуальным – ему гораздо важнее увидеть в краткосрочном нечто неизменное, регулярно повторяемое в природе и лишённое социальных привязок: *«прозрачность крыл над свежим лепестком»*, бабочек-однодневок, которые *«омоложают вечность»*. Примирить эти величины, отказаться от преходящего, наносного ради того, что остаётся важным в любые времена и эпохи – вот в чём поэт видит свою основную задачу:

*Найти ли этот звонкий стук?
Поймать ли ветер вездесущий?
Вернуть неповторимый миг,
Который был тобой утрачен?..*

Тем не менее, главным инструментарием, с помощью которого Владислав Китик выстраивает свой созерцательный взгляд на мир, становится прошлое. Для него воспоминания – источник вечных образов-констант, противопоставленных текущим остросоциальным проблемам.

Подобные образы, заставляющие автора постоянно обращаться к воспоминаниям детства и юности, обретают цвет и плоть, движение и звук, наделяются особым смыслом, становятся универсальными, принадлежа особой системе координат, где всё вечно и неизменно. Важное место в этом художественном пространстве принадлежит старой Одессе. Для Китика это город его детства – здесь всё остаётся не тронутым временем. Башни и мосты, одесские дворы, которые *«то молчаливы, то сварливы, но – добры»*, дома и подъезды, акации – всё это реанимировано авторским воображением, и читатель окунается в атмосферу далёких лет, слушает гул базаров и площадей, в которых ощущаются неповторимые, присущие только этому городу, обаяние и шарм. Сами поэтические строки словно пропитаны особым акцентом – в них «звучит» причудливый говорок, унаследованный от коренных одесситов:

*Послушай город, словно отчий зов,
Крадущуюся поступь сквозняков
В его подъездах, сочное арго
Базаров, криминальное танго
Листвы, впитавшей горечь октябрей
И горловое пенье сизарей.*

Апофеозом симфонии становится звук трамвайчика – того самого, который, связывая незримой нитью прошлое и настоящее, не устаёт звенеть на улицах и мостовых родного города Веры Зубаревой, поэта и землячки Владислава Китика. И мы понимаем, что нет на свете такой силы, которая могла бы остановить его движение – он будет неуклонно двигаться по одному и тому же маршруту, всегда останавливаясь на одних и тех же станциях.

Первая любовь и первая дружба, первая боль и первая большая радость, первое столкновение с неизбежным – всё это образы-константы, связанные со значимыми этапами духовного взросления человека. Их Владислав Китик тоже забирает с собой из мира детства и юности. Одновременно это и главные лейтмотивы книги. Подобные темы затрагивали буквально все классики русской и зарубежной литературы. Китик, наследуя их традиции (как, впрочем, и традиции золотого века), всё же находит свою неповторимую интонацию, отличающую его от великих предшественников. Щемлящая ностальгическая нотка растворяется в гармонии поэтического текста, организованного повторами и созвучиями:

*И в холода не нужно огорчаться.
Погашен свет, уснули домочадцы,
Разлёгся на полу уютный кот,
Как снег, спустясь неслышно с табурета.
Берёт сомненье, что пройдёт и это,
Хоть несомненно то, что жизнь пройдёт.*

Отдельно хочется сказать и о композиции книги. В заголовках разделов прослеживается путь авторской мысли: от печали по утраченному до состояния духовного катарсиса, связанного с осознанием того факта, что подлинно ценное утратить невозможно – оно навсегда остаётся с человеком. «Вернуть неповторимый миг», «Сквозь межреберье стен и лет», «Лучшее сбывается сейчас», «Свет очистительной печали», «С мыслью о воскресеньи» – каждый новый шаг как будто приподнимает автора над землёй, вселяет в него надежду, что жизнь прожита не зря. И не стоит тосковать о прошлом, потому что его нет – есть только настоящее вневременное, единственно возможное место нашего пребывания:

*Знаешь, дружище, а прошлого нет.
Только один ты здесь множество лет,
С пирса спустив свои ноги босые,
Ловишь ставриду коту на обед.*

Грамматически такое состояние подчёркивается употреблением глаголов в переносном значении – о том, что когда-то было пережито, Киттик говорит так, как будто испытывает аналогичные ощущения в текущий момент речи. Вот как, например, описаны в книге курсантские годы поэта:

*Базахолка. Время осеннее.
С ветром трудно сыграть вничью.
Тельник свой за сборник Есенина
Я снимаю и отдаю.*

В этом и заключается универсализм художественной мысли автора. Где бы ни был его лирический герой, он всегда пребывает дома, он близок к своим истокам и независим от неумолимого времени, потому что всё подлинно ценное не имеет срока давности. Сравнивая себя прошлого и нынешнего, автор понимает, что фактически ничего не изменилось, как будто и не существовало прожитых лет:

*Что тот школяр, что выросший двойник!..
Опять, усвоив правила нечётко,
На подпись, будто вечный ученик,
Несу свою досадную зачётку.*

И всё же детство и юность, как главные судьи и хранители внутреннего света души, сопровождают лирического героя Киттика на протяжении всей жизни. Перед ними он держит отчёт о ценности своего пребывания на земле, перед ними же произносит свою главную человеческую исповедь, в которой – самые сокровенные чувства, мысли, чаяния. И всё потому, что в современном мире почти не осталось места для созидания – оно убывает по мере того, как текущие, временные смыслы, обретая актуальность, убивают смыслы вечные. Иной раз эти откровения кажутся тривиальными сетованиями по поводу того, что мир не совершенствуется и некому ныне «глаголом жечь сердца людей»:

*Почтовые ящики нам заменил интернет.
Ужася словарь, и почти не осталось газет,
Разбросаны камни, и для созиданья камней
Почти не осталось. Как тени в театре теней,
Слова потеряли значенье, отбились от строк,
Отправились по миру, сделали сытью дорог.
А жгучесть глагола, питавшего, как молоко,
Забывалась легко. Но о ней вспоминать нелегко.*

Вроде бы и сетования... если бы не одно «но» – то важное «но», в котором – ключ к разгадке художественного метода Владислава Киттика. В его поэтическом мире на теневой, неяркой стороне оказалось настоящее. Оно кажется тусклым и серым, как чёрно-белые кадры кинофильма, но на этом непривлекательном фоне сильнее слышен голос издадека. Тот голос, на зов которого автор неуклонно идёт много лет, и каждый раз идёт по правильному маршруту. А что же является конечным пунктом назначения? Всё то, что принадлежит тому «светлому времени дня», который заменяет собой все времена одновременно и в котором всегда будут живы и великие строки Пушкина, и несгораемые рукописи «Мёртвых душ», и самые важные воспоминания каждого из нас.

*Оконца хат утомлены
Почтовой далью расстоянья.
Там, за туманную Савранью,
Коней саврасых табуны.*

*Там время дремлет на цепи,
Живёт неуганное слово.
Там счастья круглая подкова
Мерцает в мареве степи.*